

Н. Лосский

**Логика профессора А. И.
Введенского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11   **Н. Лосский**
Логика профессора А. И. Введенского / Н. Лосский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 52 с.

ISBN 978-5-458-54340-8

ISBN 978-5-458-54340-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

литического сужденія; поэтому «всякое аналитическое сужденіе логически необходимо». *«Что же касается синтетическихъ сужденій, то въ нихъ нѣтъ никакой логической необходимости, т.-е. каждое изъ нихъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ содержаніемъ понятій, образующихъ данное сужденіе»* (234). Конечно, *«не слѣдуетъ смѣшивать логическую необходимость соглашаться съ сужденіемъ съ логической необходимостью самого сужденія»*; «логически необходимо соглашаться съ каждымъ правильно доказаннымъ синтетическимъ сужденіемъ, но въ немъ самомъ нѣтъ никакой логической необходимости» (235).

Законъ противорѣчія и исключеннаго третьяго объясняютъ обязательность вывода, но не даютъ еще отвѣта на вопросъ: «почему выводъ правильныхъ силлогизмовъ долженъ быть такимъ, а не другимъ, и получается только при такихъ, а не другихъ посылкахъ, т.-е. почему лишь нѣкоторые изъ силлогизмовъ оказываются правильными» (231). Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается закономъ достаточнаго основанія, *запрещающимъ* выводы, для которыхъ «нѣтъ никакого основанія въ посылкахъ» (напр., ртуть—жидкость, всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, капуста кругла) (235). Наконецъ, на вопросъ, «почему вообще возможны силлогизмы?» (231) отвѣчаетъ законъ тождества; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *мышленіе подчинено такому закону, что отождествляетъ съ ней самой всякую мысль (понятіе и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаніи»* (239).

Законъ тождества и исключеннаго третьяго принадлежатъ къ числу *естественныхъ* законовъ мышленія. Законъ достаточнаго основанія—*нормативный* (245—249).

Что же касается закона противорѣчія, проф. Введенскій считаетъ его естественнымъ для представленій и нормативнымъ для мышленія, полагая, что противорѣчіе неосуществимо лишь въ представленіяхъ, но не въ мышленіи. Мы понимаемъ названіе «круглый квадратъ», слѣдовательно, «мы мыслимъ обозначаемое имъ понятіе, хотя въ немъ несомнѣнно содержится противорѣчіе». Отсюда вытекаетъ, что *«мышленіе само по себѣ еще не подчиняется закону противорѣчія, но лишь приводится къ этому подчиненію нашими стараніями и усиліями»* (252).

Изложенное ученіе о логическихъ законахъ мышленія и роли ихъ въ умозаключеніи приводитъ къ важнымъ гносеологическимъ

слѣдствіямъ. Такъ какъ обязательность вывода въ правильномъ умозаключеніи обусловлена, между прочимъ, закономъ противорѣчія, то пользоваться умозаключеніями *«умѣстно и логически позволительно только въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, относительно которыхъ мы уже знаемъ, что они подчинены закону противорѣчія»* (262).

Какіе же это предметы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ. «Относительно любого представленія, какое бы ни пришло намъ въ голову, мы тотчасъ же удостоверяемся, что въ немъ противорѣчія, дѣйствительно, неосуществимы, что оно, дѣйствительно, подчинено закону противорѣчія, какъ своему естественному закону (см. выше стр. 251). Но у насъ нѣтъ никакихъ средствъ удостовѣриться, что закону противорѣчія подчинено также и истинное бытіе, т.-е. вещи въ себѣ. Въдѣ изъ того, что противорѣчіе непредставимо, т.-е. неосуществимо въ представленіяхъ, разумѣется еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о бытіи, какъ оно существуетъ само по себѣ, независимо отъ нашихъ представленій, т.-е. независимо отъ того, представляется ли оно нами и какимъ именно» (263). Слѣдовательно, *«умозаключенія умѣстны и логически позволительны только въ примѣненіи къ нашимъ представленіямъ о бытіи или о вещахъ, т.-е. только въ примѣненіи къ тому, какъ намъ представляются бытіе или вещи, но отнюдь не въ примѣненіи къ истинному бытію или къ вещамъ въ себѣ»* (264).

Изъ этого ученія о границахъ «логически позволительнаго употребленія умозаключеній» вытекаютъ два важныя слѣдствія, одно—для математики и естествознанія, другое—для метафизики. Математика и естествознаніе невозможны безъ опосредствованнаго знанія. Поэтому, *«если мы считаемъ математику и естествознаніе (за вычетомъ какихъ бы то ни было гипотезъ, но съ присоединеніемъ къ нимъ всѣхъ наукъ о данныхъ опыта: и психологій, и лингвистикъ, и т. д.) знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время, и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго) не вещами въ себѣ, не самымъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія (именно—данныя внѣшняго опыта) кажутся существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами, или нѣтъ»* (265).

Эту же мысль можно выразить иначе, пользуясь словами «субъективный» и «объективный» или «трансубъективный» и определяя ихъ слѣдующимъ образомъ: *«субъективнымъ называется все, что входитъ въ составъ душевной жизни; таковы, напр., боль, наслажденія, представленія, какъ произвольныя, такъ и невольныя и т. д. Объективнымъ же, иначе—трансубъективнымъ, называется все, что существуетъ само по себѣ, независимо отъ того, существуетъ ли душевная жизнь, или же ея нѣтъ»* (267).

Въ этихъ терминахъ предыдущая мысль получаетъ слѣдующее выраженіе: *«если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то всѣ изучаемые ими предметы, т.-е. всѣ данныя опыта, не только внутренняго, но и внѣшняго, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, логически обязаны считаться субъективными, хотя часть ихъ кажется объективными или трансубъективными»* (268). Нужно, однако, имѣть въ виду слѣдующее: «нѣтъ никакого доказательства, что математика и естественныя науки съ логической необходимостью должны считаться знаніемъ. Здѣсь дѣло ограничивается исключительно выясненіемъ условія, при которомъ онѣ имѣютъ логическое право называться знаніемъ» (266).

Второе слѣдствіе изъ ученія о логическихъ законахъ мышленія относится къ метафизикѣ. Эта наука, изучая истинное, а не только кажущееся, только представляющееся намъ бытіе, принуждена «состоять только изъ опосредствованнаго знанія» (269), т.-е. изъ умозаключеній. Но умозаключенія не позволительны въ отношеніи къ тому, что не есть представленіе. Слѣдовательно, *«если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то все содержаніе такого доступнаго намъ знанія, которое хоть какъ-нибудь, да касалось бы истиннаго бытія (иначе—вещей въ себѣ, noumenovъ), логически вынуждено ограничиваться только такимъ, чисто феноменологическимъ, а вовсе не метафизическимъ положеніемъ: объ истинномъ бытіи мы ничего не знаемъ и не можемъ знать ничего другаго, кромѣ этой невозможности знанія о немъ, да еще, кромѣ того, что въ видѣ вѣры можно смѣло, безъ всякаго опасенія быть опровергнутымъ со стороны знанія, проповѣдывать объ истинномъ бытіи (иначе о вещахъ въ себѣ, о noumenaxъ) все, что хотимъ»* (269).

Въ защиту метафизики можно возразить, какъ это дѣлаетъ, напр., интуитивизмъ Н. О. Лосского, что истинное бытіе дано

въ опытѣ, какъ содержаніе представленія, такъ что метафизикѣ вовсе не приходится быть только опосредствованнымъ знаніемъ ¹⁾. Въ этомъ утвержденіи проф. Введенскій находитъ противорѣчія (стр. 271, 274, 445) и потому остается при своемъ мнѣніи, что метафизика вся сплошь принуждена состоять только изъ опосредствованнаго знанія. Какъ именно проф. Введенскій защищается противъ моего интуитивизма, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Перечисленные гносеологическіе выводы совпадаютъ, по словамъ проф. Введенскаго, съ выводами Канта, но получены «другими путями», и «совершенно независимо отъ употребляемыхъ имъ доказательствъ» (273). Въ самомъ дѣлѣ, проф. Введенскій пришелъ къ своему взгляду на математику и естествознаніе, а также на метафизику, исходя изъ своего ученія о логическихъ законахъ мышленія и не пользуясь еще ученіемъ объ апріорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ (см. гл. XVII, § 16 «Сохраненіе всей силы нашихъ дополненій къ гносеологіи Канта, даже независимо отъ ученія объ апріорныхъ сужденіяхъ»).

Ученіе объ апріорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ есть второй путь для полученія тѣхъ же выводовъ. Къ нему проф. Введенскій подходитъ также изъ логики, именно изъ ученія о способахъ доказательства общихъ синтетическихъ сужденій. На эти сужденія «Логика, какъ часть теоріи познанія» обращаетъ преимущественное вниманіе, такъ какъ только синтетическія сужденія расширяютъ знаніе, при чемъ наибольшее значеніе для знанія имѣютъ *общія* синтетическія сужденія (гл. V, стр. 83—89). Какъ могутъ быть оправданы эти сужденія, вотъ вопросъ, интересующій проф. Введенскаго на всемъ протяженіи его «Логики». Простою установкою данныхъ опыта можно получить только *единичныя* и *частныя* сужденія, а общее синтетическое сужденіе никогда и ни въ какомъ случаѣ, полагаетъ проф. Введенскій, такимъ способомъ получено быть не можетъ, такъ какъ относится къ безконечно большому или неопредѣленно большому числу предметовъ (116).

Отсюда слѣдуетъ, что общія синтетическія сужденія могутъ быть оправданы только *опосредствованнымъ* путемъ, т.-е. не иначе,

---

¹⁾ См. мою статью „Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма?“ Жур. Мин. Нар. Просв. 1909 г., № 7.

какъ съ помощью умозаключеній. Но каковы должны быть посылки, изъ которыхъ получаются общіе синтетическіе выводы? Пересмотрѣвъ тѣ модусы силлогизмовъ и непосредственныхъ умозаключеній, которые даютъ въ выводѣ общія сужденія, проф. Введенскій доказываетъ, что *«общій синтетическій выводъ можетъ быть правильно полученъ только изъ такихъ посылокъ, среди которыхъ есть, хоть одна, общая синтетическая; изъ однихъ же аналитическихъ посылокъ нельзя правильно получить общій синтетическій выводъ»* (216).

Индуктивныя доказательства не составляютъ исключенія изъ этого правила: въ нихъ общій синтетическій выводъ (доказываемый законъ природы) устанавливается съ помощью принципа единообразія природы, который принадлежитъ къ числу общихъ синтетическихъ сужденій (328).

Итакъ, чтобы доказать общее синтетическое сужденіе, нужно уже имѣть въ качествѣ посылки хоть одно общее синтетическое сужденіе; въ свою очередь, если мы хотимъ доказать и это сужденіе, нужно прибѣгнуть къ умозаключенію, въ числѣ посылокъ котораго было бы хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. д. Такъ какъ этотъ процессъ не можетъ идти въ безконечность (стр. 349), то ясно, что для доказыванія общихъ синтетическихъ сужденій необходимо имѣть въ запасѣ большее или меньшее количество общихъ синтетическихъ сужденій, не оправданныхъ никакъ и допущенныхъ въ системѣ знанія только въ виду ихъ завѣдомой годности служить (наряду съ опредѣленіями и данными опыта) послѣдними или высшими основаніями знанія (стр. 149).

Отсюда вытекаетъ слѣдующее: *«если взять все допускаемое нами, въ видѣ математики и естественныхъ наукъ (въ широкомъ смыслѣ слова), опосредствованное знаніе въ его цѣломъ, то окажется, что въ основѣ его лежатъ, кромѣ данныхъ опыта и опредѣленій, еще большая или меньшая группа такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, при прямой или косвенной помощи которыхъ, т.-е. употребляя ихъ въ видѣ высшихъ основаній, можно доказать все опосредствованное знаніе, но которыя сами принуждены оставаться недоказанными, а принятыми не только безъ всякихъ доказательствъ въ данное время, но даже и безъ всякой надежды на возможность доказать ихъ когда либо»* (348). Такія сужденія, недоказуемыя и однако завѣдомо годныя служить высшими

основаніями математики и естествознанія, проф. Введенскій называетъ *априорными*.

Теперь возникаетъ новый чрезвычайно важный вопросъ. При какихъ условіяхъ априорныя сужденія могутъ быть дѣйствительно завѣдомо годными для знанія, т.-е. *«окажутся согласными со всею совокупностью предметовъ, изучаемыхъ при помощи этихъ сужденій»* (367). Это согласіе можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, если априорныя сужденія *«принуждаютъ предметы, изучаемые при ихъ помощи, подчиняться имъ, какъ законамъ, управляющимъ этими предметами»* (стр. 369).

Отсюда (если къ тому же допустить «вмѣстѣ съ Кантомъ», что вещи въ себѣ подчинены логическимъ законамъ мышленія) вытекають три слѣдствія, крайне важныхъ для вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія.

Первое слѣдствіе: *Если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время и всѣ данныя опыта, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, т.-е. даже самихъ себя, свое «Я» и все то, что сознается нами, какъ происходящее въ нашей собственной душевной жизни) не вещами въ себѣ, не самымъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія (именно—данныя внѣшняго опыта, а также пространство и время) кажутся намъ не субъективными, каковы они въ дѣйствительности, а транссубъективнымъ бытіемъ, т.-е. существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами или нѣтъ»* (стр. 371). Это слѣдствіе профессоръ Введенскій обосновываетъ тѣмъ соображеніемъ, что наши сужденія суть наши мысли, а потому они *«могутъ приводить къ согласію съ ними, принуждать быть такими, какъ въ нихъ говорится, только наши же мысли, наши представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе, не вещи въ себѣ, только явленія, феномены, а не ноумены»* (371).

Второе слѣдствіе изъ тѣхъ же предположеній состоитъ въ томъ, что *«вещи въ себѣ или истинное бытіе должны считаться исключительно трансцендентными, а отнюдь не имманентными»* (373). Избѣгнуть этого вывода можно, по мнѣнію проф. Введенскаго, только путемъ внесенія противорѣчія въ понятіе истиннаго бытія, именно только путемъ утвержденія, что истинное

бытіе *и зависимо* отъ нашихъ мыслей *и не зависимо* отъ нихъ (стр. 371); это противорѣчіе, по мнѣнію проф. Введенскаго, присуще моему интуитивизму (373). Если же признать, что мы не имѣемъ основаній утверждать подчиненіе истиннаго бытія логическимъ законамъ мышленія (такъ что истинное бытіе могло бы быть противорѣчивымъ), то въ такомъ случаѣ, какъ это было выяснено выше, (въ главѣ XIII, стр. 271—272), о вещахъ въ себѣ нельзя рѣшить даже вопроса, трансцендентны ли онѣ или имманентны (374).

Наконецъ, въ третьихъ, изъ тѣхъ же предположеній слѣдуетъ, что примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ было бы явнымъ произволомъ (374).

Изъ этихъ трехъ слѣдствій «вытекаетъ полная невозможность метафизики въ видѣ знанія» (375): непосредственнымъ знаніемъ она не можетъ быть въ силу второго слѣдствія, а опосредствованнымъ—въ силу третьяго слѣдствія.

Если бы даже, наряду съ произвольнымъ допущеніемъ, что истинное бытіе подчинено логическимъ законамъ мышленія, мы сдѣлали еще одно произвольное допущеніе, что оно подчинено также апріорнымъ сужденіямъ, прежде всего принципу причинности, то и тогда метафизика ничего не выиграла бы: вслѣдствіе трансцендентности истиннаго бытія она оказалась бы «возможной всего лишь въ видѣ гипотезъ» (379).

Эти гипотезы неравноцѣнны съ имманентными гипотезами, такъ какъ ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть превращены въ достовѣрное знаніе и ни одна изъ нихъ не имѣетъ большей степени вѣроятности, чѣмъ другая (380—396); поэтому *метафизическія гипотезы позволительны въ составъ знанія* (о вѣрѣ пока еще умалчиваемъ), *какъ всего лишь рабочія* (т.-е. какъ всего лишь вспомогательное средство или вспомогательное орудіе для разработки знанія)» (380).

Впрочемъ, въ составѣ научно-разработаннаго міровоззрѣнія метафизика можетъ и должна найти себѣ мѣсто, но не въ видѣ знанія, а въ видѣ морально обоснованной *вѣры* (434—438).

Свою систему проф. Введенскій опредѣляетъ, какъ философскій критицизмъ, и видитъ въ ней дальнѣйшее развитіе гносеологіи Канта, во первыхъ, путемъ *улубленія* ея съ помощью ученія о логическихъ законахъ мышленія и, во вторыхъ, путемъ *дополненій* къ ней, которыя перечислены въ главѣ XVII

и состоятъ, главнымъ образомъ, изъ новыхъ доводовъ противъ возможности метафизики, какъ науки. Кромѣ тѣхъ дополненій, которыя перечислены въ XVII главѣ, мы бы указали еще на интересныя и цѣнныя для системы критической философіи изслѣдованія проф. Введенскаго объ аналитическихъ сужденіяхъ, о свойствахъ рациональнаго знанія, доказательство положенія, что общій синтетическій выводъ можетъ быть полученъ только въ томъ случаѣ, если среди посылокъ есть хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. п. Независимо отъ того, соглашаемся ли мы съ системою проф. Введенскаго или нѣтъ, нельзя не признать большой цѣнности осуществленнаго имъ построенія, поскольку существеннымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія философіи служить продумываніе до конца, изживаніе основныхъ философскихъ направленій столь важныхъ, какъ критицизмъ, необходимое, чтобы вскрыть, что въ нихъ жизненно, и что должно умереть. Кромѣ этой заслуги, трудъ проф. Введенскаго имѣетъ право на серьезное вниманіе еще въ виду большого количества цѣнныхъ частныхъ, особенно въ области логики, сохраняющихъ значеніе независимо отъ согласія съ системою въ цѣломъ. Такъ, проф. Введенскій дѣлитъ всѣ правила силлогизмовъ на видныя заранѣе и не видныя заранѣе и, подчеркивая, что вторыя (между прочимъ, особыя правила каждой фигуры) суть простое слѣдствіе первыхъ, открываетъ путь для упрощеннаго изложенія ученія о силлогизмѣ; далѣе, правило «хоть одна изъ посылокъ должна быть общею» доказано *послѣ* особыхъ правилъ каждой фигуры; даны доказательства правилъ качества и количества выводовъ въ каждой фигурѣ силлогизма, установлена сводимость первой фигуры на остальные, а также сводимость вообще каждой фигуры на любую другую фигуру, и т. п. и т. п. Особенно цѣнны упрощенія, произведенныя проф. Введенскимъ въ изложеніи индуктивныхъ методовъ, а также точное опредѣленіе относительности и модальности выводовъ, получаемыхъ съ помощью каждаго изъ простыхъ индуктивныхъ методовъ.

Укажемъ здѣсь же на нѣкоторые частные недостатки рассматриваемой логики, не стоящіе въ замѣтной связи съ философскою системою автора. Объясненія нѣкоторыхъ изъ заранѣе видныхъ правилъ (напр., правила качества выводовъ на стр. 189), имѣющія цѣлью сдѣлать ихъ «понятными», въ дѣйствительности сводятся къ повторенію правила другими словами. Въ теоріи

индуктивныхъ доказательствъ ученіе о методахъ Милля развито сначала въ примѣненіи къ причиннымъ связямъ, а затѣмъ на стр. 322 перенесено на доказательства любыхъ законосообразныхъ связей на томъ основаніи, что свойства рода принадлежатъ всякому подчиненному ему виду, между тѣмъ какъ на той же страницѣ показано, что понятіе причинной связи есть видовое въ отношеніи къ понятію законосообразной связи.

Поводомъ къ недоразумѣніямъ можетъ служить также слѣдующая неполнота въ теоріи индуктивныхъ умозаключеній. Утверждая, что въ числѣ основаній всякаго индуктивнаго доказательства лежитъ принципъ единообразія природы, проф. Введенскій изображаетъ строеніе ихъ такъ, что каждое доказательство, состоящее изъ однократнаго примѣненія простаго индуктивнаго метода, легко могло бы быть понято, какъ силлогизмъ первой фигуры; этого ученія однако проф. Введенскій не высказываетъ и вообще обходитъ совершеннымъ молчаніемъ важный и трудный вопросъ о томъ, существуютъ ли индуктивныя *умозаключенія*, какъ особый съ формально-логической точки зрѣнія видъ умозаключеній.

II. Критика логики.

Что представляетъ собою, по ученію проф. Введенскаго, система знаній, накопленныхъ математикою и естественными науками? Она есть цѣлое, состоящее изъ двухъ частей: съ одной стороны находятся высшія основанія—апріорныя сужденія, опредѣленія и данныя опыта, а съ другой стороны все, что доказано съ помощью этихъ основаній—теоремы, законы природы, примѣненія законовъ для предсказаній и т. п. *Внутри* этой системы вторая часть *логически обоснована* первою, такъ какъ логически необходимо принять ее, если допущены указанныя основанія. Но въ цѣломъ система знаній лишена логическаго обоснованія, такъ какъ опирается, между прочимъ, на апріорныя сужденія, которыя по теоріи проф. Введенскаго *внутри себя*, какъ синтетическія, не содержатъ никакой логической необходимости, и извнѣ также не опираются на логическую необходимость, такъ какъ *ничѣмъ не доказаны и не доказуемы*.

Эти сужденія вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ, которыя были бы «понятны сами собою» (стр. 410); сомнѣніе въ нихъ

«не содержитъ въ себѣ никакой явной нелѣпости» (стр. 143); поэтому можно замѣнить аксіому противоположнымъ ей сужденіемъ, вывести изъ него систему слѣдствій и получить новую науку, какъ это сдѣлалъ, напр., Лобачевскій, построившій новую «систему геометріи, которая *никогда не запутывается въ противорѣчіяхъ*, т.-е. оказывается не менѣе возможной и мыслимой, а потому и не менѣе допустимой, чѣмъ геометрія Эвклида» (стр. 144). Не значить ли это, что система знанія основывается на вѣрѣи, слѣдовательно, сама въ цѣломъ есть видъ вѣры? Безъ сомнѣнія, такъ приходится истолковать рассматриваемую теорію науки. Однако, проф. Введенскій рѣшительно протестуетъ противъ этого вывода, говоря, что онъ основанъ на «обывательскомъ» опредѣленіи вѣры, согласно которому область вѣры слгаается «изъ мыслей, хотя и недоказанныхъ, а все-таки сопровождаемыхъ увѣренностью въ ихъ истинности» (стр. 420). «Гораздо точнѣе будетъ сказать», говоритъ проф. Введенскій, *«что вѣрой называется остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности»* (стр. 421).

Чтобы этотъ «остатокъ» сдѣлался хоть сколько-нибудь опредѣленнымъ, необходимо указать, что называется знаніемъ. Эту задачу почтенный профессоръ выполняетъ, прибѣгая къ новому понятію «логическаго мотива»: *«къ знанію принадлежатъ только такія мысли, увѣренность въ истинности которыхъ не поддерживается ровно ничѣмъ, кромѣ логическихъ мотивовъ. Логическіе же мотивы, какъ видно изъ всего предшествующаго изложенія, сводятся, кромѣ логическихъ законовъ мышленія, только къ даннымъ опыта, взятымъ въ ихъ чистомъ видѣ, и апіорнымъ сужденіямъ»* (стр. 421).

Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, что къ области знанія относятся теоремы, законы природы, примѣненіе ихъ для предсказаній и т. д., но въ немъ вовсе не указано, что сами «логическіе мотивы» входятъ въ составъ знанія. Повидимому, предвидя это возраженіе, проф. Введенскій рассуждаетъ далѣе (на стр. 426), слѣдующимъ образомъ: «если подъ словомъ «вѣра» подразумѣвать остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности (см. стр. 421), то апіорныя сужденія не могутъ называться вѣрой; ибо, входя въ составъ знанія, какъ его высшія осно-